

Новая Польша 1/2011

0: СПРОС НА ПРАВДУ

— На протяжении длительного периода наш патриотизм формулировался на антирусской основе. Могут ли поляки и сегодня по-прежнему так его определять?

— Патриотизм никогда не должен определяться как направленный против других народов. Концепция патриотизма меняется. Формирование современных наций началось на рубеже XVIII-XIX вв. Этот процесс продолжался и в XIX веке, когда Польши на карте Европы не существовало. Польское государство было поделено между тремя захватчиками, и позиции поляков в каждой из трех частей складывались по-разному. Но почти всегда — что понятно, когда ведется борьба за независимость, — это было противостояние государству-захватчику.

— И с таким багажом поляки вошли в свое возрожденное государство.

— Это было государство, сшивавшееся из трех кусков. Для тогдашнего молодого поколения существование независимого государства уже само по себе было ценностью. Важным было то, что можно ходить в польские школы, что все учреждения — польские. Патриотизм и патриотическое воспитание были чем-то очевидным и естественным. Потом пришла Вторая Мировая война, и патриотизм поколения, воспитанного в возрожденной Речи Посполитой, выдержал испытание. Доминировало убеждение, что патриотизм — это борьба не только за свободное, но и за социально справедливое государство. Варшавское восстание — подобно восстаниям 1830 и 1863 гг. — стало экзаменом этого поколения и вместе с тем символом борьбы за независимость. Оно определяло отношение поляков к своему государству. И это привело к тому, что новая, навязанная извне власть начала свое правление с дезавуирования Варшавского восстания и преследования его участников.

— На чем «народная» власть строила патриотизм?

— Дилемма новой власти состояла в том, как легитимизировать свое правление, коль скоро ее представители были полностью зависимы от Советского Союза, коль скоро вся система, само ее существование целиком зависело сначала от присутствия советских войск, а позднее — от шантажа вооруженной интервенцией. Надо помнить, что такая интервенция действительно происходила — в июне 1953 г. в Берлине, в октябре 1956 г. в Венгрии, в августе 1968 г. в Чехословакии. Иными словами, угроза интервенцией отнюдь не была просто пугалом.

Для Владислава Гомулки, Эдварда Герека, да и для остальных вождей ПНР серьезной задачей было приобрести общественную поддержку. Они жаждали, чтобы общество признало государство и его строй, но еще и хотели, чтобы поляки воспринимали его как польское государство. Ради завоевания такой поддержки они вели политику, основанную на антинемецкой солидарности народа. Антинемецкие настроения поляков после Второй Мировой войны были совершенно естественными: Германия несла ответственность за нападение на Польшу, за уничтожение 6 млн. ее жителей, в том числе 3 млн. польских евреев. Это были невинные люди, штатские, а не только военнослужащие, которые на всех фронтах сражались с врагом. Гнев и ненависть были так сильны, что новая власть охотно воспользовалась ими и поддерживала этот высокий уровень антипатии вплоть до последних дней своего существования.

О гитлеровских преступлениях надлежало говорить, тогда как на сталинские преступления было наложено табу — их словно бы не существовало.

Слово «Катынь» было запрещено. Разговоры о сталинских преступлениях сурово карались. На отношение общества к Советскому Союзу по сути распространялся своеобразный запрет публичных дебатов. Никто этим не занимался, так как все знали, что не сумеют написать правду. Поэтому не было ни дискуссий, ни каких-либо исследований.

— Положение изменилось после демократических перемен 1989 года.

— Новым связующим веществом, основой новой формулы патриотизма стала забота о вновь обретенном суверенитете польского государства. После нескольких лет, когда президент Лех Валенса объявил так называемую войну в верхах и дело дошло до раскола прежней оппозиции на различные фракции (что, впрочем,

было вполне естественно, так как они представляли разные идейные, общественные и духовные течения), встал вопрос: что должно теперь стать главным мотивом воспитания нового поколения? Все политические силы соглашались на неписанный консенсус, в соответствии с которым истинный патриотизм должен опираться на правду. История Польши обязана быть правдивой историей. Она не может находиться на услугах пропаганды и не должна служить инструментом для нужд текущей политики.

Со временем в некоторых кругах появились требования, чтобы Польша определила свою «историческую политику». Разъясним в этом месте, что само понятие «исторической политики» было придумано в середине 80-х годов немцами. Консервативный историк Эрнст Нольте сформулировал концепцию «исторической политики», которой надлежало в сущности релятивизировать ответственность немцев и Германии за преступления Третьего Рейха.

— **Каким образом ее понимал Нольте, чем ей следовало быть?**

— Политика по самой своей сути — со времен Аристотеля — касается текущих дел. Политики формулируют задачи, которые решаются с мыслью о будущем. А «историческая политика» означает, что наше понимание прошлого должно формироваться современностью. Другими словами, историческая политика близка к инструментализации истории, состоящей в том, что одни факты извлечены на поверхность, а другие скрыты — в соответствии с нуждами тех, кто стоит у власти. Построение современного патриотизма на основе такого принципа по сути своей недемократично. В Польше велась дискуссия вокруг «исторической политики», но не существовало никакой группы, которая бы утверждала, что следует культивировать неприязнь к России и ее гражданам.

Вместе с тем правда такова, что раз на протяжении многих лет нельзя было сказать ни одного критического слова о Советском Союзе — образовалось то, что экономисты именуют отложенным спросом. Речь шла о спросе на правду. Начали появляться публикации, посвященные различным болезненным вопросам. Ключевым среди них была Катынь и совершённые там преступления.

— **Как реагировали на это в России?**

— Признание того факта, что высшее руководство Советского Союза несет личную ответственность за уничтожение свыше 20 тыс. польских офицеров-военнопленных, для многих в России оказалось шоком. Историю фальсифицировали так долго, что даже для самых высоких властей, для Михаила Горбачева и его ближайших сотрудников, раскрыть эту правду было трудно. Президент Борис Ельцин принял решение раскрыть все документы по катынскому делу, какими располагала тогда российская сторона. Многие представители российской интеллигенции — не только ученые, но и прокуроры — решили порвать с системой лжи и раскрыть всю правду. К сожалению, в 2004 г. катынские документы вновь засекретили. Следствие прекратили. Наступил период замораживания отношений, и доступ к правде снова оказался закрытым.

— **Что стало причиной этого?**

— Во время одной из бесед со своим партнером, российским министром иностранных дел, я услышал: «Зачем открывать эти шкафы, полные скелетов? Если вы начнете открывать свои шкафы, то мы откроем свои, и эти скелеты нас завалят». Я в тот момент не до конца понимал, какие скелеты против Польши можно вытащить из российских шкафов. Вскоре оказалось, что речь идет о так называемой «Анти-Катыни». Было сформулировано обвинение в том, что якобы в лагерях для военнопленных поляки уничтожили десятки тысяч красноармейцев, взятых в плен во время польско-большевистской войны. Пропагандистский тезис звучал так: «Хотя, правда, Сталин и его ближайшее окружение несут ответственность за катынское преступление, но оно было своеобразным ответом на злодеяния, совершенные против русских военнопленных в Польше». История «Анти-Катыни» развивалась. Число пленных, которые погибли в Польше, росло. Первоначально их было 10 с лишним тысяч, потом говорилось уже о 50 и даже о 80 тысячах красноармейцев.

Истина такова, что в польские руки попало около 180 тыс. советских пленных — и не только русских. Среди них были украинцы, белорусы и другие народы царской империи. Часть из них — в результате болезней, эпидемий, плохих санитарно-гигиенических условий и недоедания — умерла. Однако это не было результатом плановой акции истребления. Тогда в Польше и по всей Европе свирепствовали эпидемии. Царила всеобщая нехватка продовольствия. Люди голодали. Смерть не щадила никого, в том числе и военнопленных. Однако смертность среди них была не выше, чем среди сходных множеств польского населения. Факты таковы, что историки спорят, умерло ли тогда 16 или же 18 тыс. пленных.

В 2003 и 2004 гг. я в качестве статс-секретаря МИДа, а затем министра участвовал в принятии решения о том, чтобы открыть для россиян все архивы, где имеются материалы на эту тему. Так оно и случилось. Результатом совместных исследований польских и российских ученых стал объемистый том «Красноармейцы в польском плену в 1920-1922 гг.». Хотя эту книгу опубликовали в Москве, она не дождалась презентации в России и поныне пылится на складах. Во время одной из поездок в Москву я спросил, почему так происходит, и услышал: «Время для этого еще не созрело».

— **В итоге — почему всё-таки так происходит?**

— Ответ требует несколько более широкого фона — политического контекста. В Польше коммунистический режим навязали извне. Когда общество отбросило его, словно скорлупу, — было к чему возвращаться и что продолжать. В итоге мы вернулись к давним традициям свободолюбия и одновременно начали проводить в жизнь ценности и нормы, действующие в демократических странах Запада. В России с этим гораздо трудней. Вспомним, что Россия никогда не существовала в качестве национального государства. Это была империя, известная как «тюрьма народов». Система, господствовавшая в России, не была навязана извне. Она сложилась в результате большевистского переворота в 1917 г. и была частью российского исторического процесса. Эта система исчерпала себя, подошла к концу. Однако построение нового общества находится на начальной стадии развития. Российские граждане должны теперь самостоятельно принять решение, как строить современное демократическое государство. На некоторые вопросы, выяснения которых мы от России добивались (в том числе о катынском преступлении), они впервые взглянули другими глазами. Да и на собственное прошлое стали смотреть иначе. В этом состоит один из элементов выстраивания новых отношений, основанных на правде и на поисках того, что является общим, а не того, что разделяет.

— **Поляки помогли в поисках нового национального самосознания.**

— Это не так. Российские граждане сами находят в своем прошлом те элементы, которые важны для их будущего. Надо сказать себе правду обо всем — о том, что было плохого, что продолжает отравлять души, умы и психологию, и о том, что было хорошего. Это касается не только России. Перед такой необходимостью стояли, например, колониальные государства: Франция и Италия, Бельгия, Великобритания и Голландия, — но прежде всего Германия. Чтобы стало возможным строить демократическое государство, Германии следовало осудить нацистские преступления.

Сегодня в России вопрос номер один: как произвести модернизацию в ускоренном темпе? Она должна охватить не только экономику, но и весь политический строй и способ осуществления власти. Руководители России понимают это. Вы спрашиваете, помогла ли Польша в этом. Отвечу так: если благодаря Польше ускорен процесс осуждения сталинской системы как преступной, то это наш скромный вклад в построение демократии внутри России и в то, чтобы у нее складывались хорошие отношения с соседями.

— **А что нам надо изменить у себя с целью улучшить отношения с Россией?**

— Определенная трудность в польско-русских и польско-российских отношениях состоит в следующем: и у поляков, и у русских есть такое чувство, что они — жертвы истории. Русские не до конца понимают, почему им надо признавать себя виноватыми перед нами, брать на себя ответственность за сталинские преступления, раз они сами были главными жертвами той системы, которая их поработила. Ввиду этого нам надлежит формировать собственное историческое сознание таким способом, дабы улавливать всю сложность проблемы и понимать, что русские и другие народы, населяющие Российскую Федерацию, равным образом были жертвами той же преступной системы. Когда мы это осознаем и переварим, нам станет легче договариваться.

В построении нормальных отношений с Россией нам также мешают иногда демонстрируемые нами два подхода, два комплекса — неполноценности и превосходства. Первый комплекс — результат разделов Польши и осознания того, какую мощную силу представляет собой Россия. Второй выражается в ошибочном убеждении, что мы как общество представляем более высокий уровень цивилизации и культуры. Оба эти комплекса неправомерны. Россия — самая крупная страна с точки зрения занимаемой территории, она обладает наибольшими запасами природных богатств, в том числе газа и нефти, но у нее имеются и серьезные трудности: отсталые технологии, отсутствие современной инфраструктуры, многие другие проблемы, среди которых самая серьезная — демографическая: снижающаяся численность населения. Россия стоит на перепутье и должна сделать выбор, в каком направлении двигаться. Мы можем служить ей точкой отсчета, критерием сопоставления. У нас нет никакой миссии применительно к России, но мы можем подавать пример успешных преобразований. Наш национальный доход составляет сегодня одну треть дохода России. Мы достигли этого без нефти, газа и прочего сырья. Коль скоро нам удалось такое — почему то же самое не должно получиться и у них?! Это требует, однако, глубоких внутренних перемен.

— **Иными словами, нам надо излечиться от комплексов.**

— Да. Но не только; время созрело до того, чтобы обе страны — на основе взаимности — не закрепляли негативных стереотипов о другой. В России было и есть много людей, которые питали и питают доброжелательное отношение к Польше. Польша занимала у российской элиты важное место в картине мира и Европы. У нас всегда были «русские друзья», о которых так прекрасно написал Мицкевич.

Современный патриотизм не может строиться на неприязни, обидах и враждебности — на том, что порождает отрицательные эмоции. Напротив, он требует понимать, что многие из несчастий, с которыми столкнулись поляки в XX в. и которые связывались у них с Россией, затронули и российское общество. Современный патриотизм основан на взаимозависимости. Он требует от соседей не только и не столько симпатии, сколько сочувствия, иначе говоря, умения вживаться в ситуацию партнера и проявлять доброжелательность при поисках решений, основанных на правде и взаимном уважении.

Беседу вел Войцех Каминский (ПАП)

1: ПОЛЬСКИЙ ПЕРЕКРЁСТОК

Когда ты думаешь: «Польша» — какой образ возникает в твоём сознании? Эва Сахар Хасан, родившаяся в Польше в семье шиитов, говорит: «Лес». Буддист Мартин Баранский представляет себе орла в короне. А еще польскую кавалерию и польскую саблю. Для еврейки Ани Чишевской образ родины связан с польским языком. А для Мариуша Сынака из православного прихода в Слупске образ этот связан с запахом кашубской земли. Когда они думают «Польша», то в их сознании вовсе не возникает символ креста. Значит ли это, что они не могут называться истинными поляками?

10 сентября исполняется пять месяцев с момента катастрофы самолёта ТУ 154 под Смоленском. [Статья написана до этой даты. — *Ред.*] Делегация «Права и справедливости» во главе с Ярославом Качинским намерена обязательно возложить венок у подножия креста, установленного перед президентским дворцом. Председатель партии не желает прийти с цветами в дворцовую часовню, он непременно желает возложить их на том месте, где установлен этот крест. Идет делегация, а за ней — к этому кресту — кто-то несет кресты, еще и еще. А с крестами — флаги. И за ними еще раздаются возгласы: «Здесь Польша! Здесь Польша!»

Первое воскресенье сентября, Ясная Гора в Ченстохове. На общепольский праздник урожая крестьяне приносят венки с вплетенными в них крестами (в одном венке целых 96 крестов). Об этом же и проповедь архиепископа Анджея Дзенги, митрополита Щецинского и Каменского. Из проповеди люди узнают, что до тех пор пока кресты, установленные на польских полях и у польских дорог, в безопасности, то и Польша находится в безопасности. Однако возникает вопрос о «безопасности польского духа и о том, умеем ли мы стоять у креста».

Ибо речь теперь уже не о том, хочет кто-либо или не хочет, а о том, умеет ли он стоять у креста и насколько хорошо он это делает.

Крест, вера, поляк-католик — эти темы возникли вовсе не в связи с последним праздником урожая и даже не в связи с тем, что происходит на Краковском Предместье. Спор по поводу креста и того, кому более дорог крест, а значит, и Польша, — этот спор идет у нас издавна. Крест используется постоянно. Когда в прошлом году Европейский суд по правам человека констатировал, что этот символ, висящий на стене в школьном классе, нарушает религиозную свободу учащихся (в суд пожаловалась итальянская гражданка родом из Финляндии), в Польше шум был даже больше, чем в Италии. Депутаты краковского сеймика проголосовали за резолюцию, требующую от Европарламента признать крест символом Евросоюза, охраняемым законом. От епископов мы слышали, что для нашей веры настал час испытания. А от приходских священников — что следует оказывать давление на власти; ящик электронной почты министерства просвещения был заполнен до отказа тремя с лишним тысячами писем одинакового содержания, написанных по единому образцу: «Я верю, что вы хорошо осознаёте желание большинства родителей и учащихся, чтобы во всех школах крест занимал надлежащее место». Верующие отсылали эти письма автоматически, несмотря на просьбу приходских священников хотя бы немного разнообразить электронные послания, чтобы они больше походили на те, которые пишутся «от души».

Профессор Збигнев Миколейко, философ и религиовед, отмечает, что крест у нас уже перестал быть символом, теперь он становится только знаком. Наличие его везде и всюду вредит ему.

Происходит инфляция креста. А имеется ли у нас что-то взамен?

— Даже белый орел, единый для нас и, казалось бы, самый мощный символ Речи Посполитой, всё же не имеет соответствующей силы, — отмечает профессор.

Цитируют не задумываясь

Когда в прошлом году социологи из варшавского Университета имени кардинала Стефана Вышинского спрашивали у поляков, с чем у них ассоциируется Польша, то в ответ они чаще всего слышали: «родина», «место, где я родился». Часто звучали и такие ответы, как: «литература, искусство», «движение “Солидарности”». А немного раньше, когда Центр гражданского просвещения, проводя опрос, попросил вписать всё, что сразу приходит на ум при слове «Польша», то в анкетах фигурировали березы, плакучие ивы, белое и красное, сборная по футболу, даже спортсмен-чемпион Адам Малыш. Крест вообще не упоминался. Из ассоциаций на вполне конкретную букву «к» возникали лишь *krajobraz* (пейзаж), *koŋursja* (коррупция), *kraj wolny* (свободная страна), *kraj piękny* (прекрасная страна) и страна, которая когда-нибудь всех поразит.

Получается, что начиная с какого-то времени мы уже можем представлять себе иную Польшу, не только с крестами. И все-таки мы постоянно слышим, что «только с крестом, только под этим знаком Польша — это Польша, а поляк — это поляк». Цитируют Мицкевича, не задумываясь, забывая о том, что с тех пор, как жил поэт-пророк, многое изменилось. Мы живем не в разделенной Польше, у нас свобода и демократия. Хотя последняя явно не стремится вникать в сферу символов.

— Что делает мое государство, пытаюсь покончить с конфликтом из-за креста на Краковском Предместье? — задает вопрос Мариуш Гавлик, атеист, председатель Фонда свободной общественной мысли. И тут же сам себе отвечает: — Укрепляет на стене президентского дворца мемориальную доску, разумеется с крестом. В общественном пространстве уже не найти места, где бы не было этого знака.

— Нужна ли действительно верующим людям подобного рода опора? — это приводит в недоумение Эву Сахар Хасан. Она родилась в Польше и хотя происходит из шиитской семьи, в которой праздновали Рамадан, а не Рождество, тем не менее очень любила вести дискуссии с законоучителем в своем люблинском лицее и прекрасно понимает, насколько значителен для католика крест.

Однако то, что он становится символом, вокруг которого ведутся бесконечные дебаты, огорчает даже тех, для кого этот символ чрезвычайно важен.

Священников не слушают

— Для меня крест — это святое, это символ мученичества и самой жестокой смерти через изнурение, — говорит Мартин Мацкевич, музыкант, исполняющий хард-рок, и протестант в третьем поколении (жена его была католичкой, но в подростковом возрасте перешла в протестантство). — Я бы не осмелился носить крест на шее или устанавливать его где бы то ни было, — поясняет Мацкевич. — Когда я смотрю на то, что происходит перед президентским дворцом, то у меня возникает ощущение, что я наблюдаю за цирковым представлением через дыру в заборе.

Ему кажется, что если бы Иисус Христос тоже хоть на минуту взглянул на то, что происходит на Краковском Предместье, то схватился бы за голову.

— И, верно, разогнал бы всю эту компанию, — предполагает Мацкевич. — И ведь никто из них там не вознес молитвы за чистую совесть и светлый разум. В такой важный момент в нашей благочестивой католической стране не прозвучала молитва.

Многие также задавались вопросом, почему в августе, когда начала разгораться эта борьба из-за креста, ни один из его защитников не прислушался к мнению представителей Церкви. А ведь достаточно было бы обратиться к опросам ЦИОМа, проведенным в июле текущего года, в ходе которых задавался вопрос, насколько важно для нас то, что говорят священники. Оказалось, что с каждым годом их слова значат всё меньше. Каждый пятый поляк вообще не воспринимает всерьез то, что слышит от духовных лиц. Для нас их мнение уже не столь важно, как когда-то. Всё реже мы приходим на исповедь и всё реже участвуем в богослужениях Страстной пятницы. Как утверждает ЦИОМ, по результатам опросов пока сложно сказать, обозначился ли уже отход от католической Церкви, но будущие тенденции уже просматриваются. Каждый десятый поляк из старшеклассников и студентов открыто заявляет, что он неверующий. А среди тех, кто верит, большинство даже не молится.

А может, они отправляют молитву в храмах иной Церкви, а не той, что доминирует в Польше?

Главное статистическое управление пока не может предоставить точных данных, касающихся вероисповедания. Тема эта — слишком деликатная, зачастую даже интимная, а значит, чрезвычайно трудная для статистики. Последний раз поляков об этом спрашивали в 1931 году. Может быть, всеобщая перепись, которая будет проводиться в будущем году, даст сведения на тему вероисповедания. Во всяком случае, этот вопрос будут задавать в каждом четвертом доме на основании случайной выборки.

Вероисповедание исключает стояние у креста

Воскресенье, солнце припекает, а Павел и Матеуш в белых, застегнутых до верхней пуговицы рубашках, в темных костюмах бредут по песчаным дорогам через лежащие на их пути деревни под Быдгощем. Они несут Слово Божье. А имя Бога — Иегова. Большинство жителей этих деревень, скорее всего, их вообще не пустит на порог. Но несмотря на это им следует неустанно стучаться во все дома. «Может быть, пани, вы нас выслушаете? — Выслушаю». Мы садимся на террасе, Павел и Матеуш толкуют о том, что не надо обвинять всех вокруг за то, что творится в стране. Что без конца происходят катастрофы, что всюду нищета, что возник конфликт из-за креста. Надо начинать работать над собой. Достают Священное Писание. Урок на сегодня: «Жизнь имеет свой смысл, но как его найти?»

Их родители — Свидетели Иеговы, Павел и Матеуш с рождения воспитывались в этой вере. Труднее всего им приходилось в начальной школе.

— По дороге в школу мы проезжали мимо костела, все дети в автобусе снимали шапки. А я не снимал, — вспоминает Павел.

Разумеется, у них не было и первого причастия, они никогда не приглашали товарищей на день рождения и именины, потому что Свидетели Иеговы этих праздников не признают. И не принимают подарков на Рождество, в доме Свидетелей Иеговы эта дата — как, впрочем, и никакие другие — не отмечается. Матеуш младше Павла, он еще учится в техникуме. И там он сталкивается с проблемой такого рода: когда отмечаются какие-то школьные торжества, он должен в них участвовать.

— Я, — говорит он, — объясняю классной руководительнице, что моя вера этого не признаёт и не позволяет мне стоять под знаменем или у креста. Учительница же утверждает, что она всё это понимает, — но отправляет меня к директору. А та объясняет, что всё же школа есть школа, праздник есть праздник, и нет у меня никакого выхода, я должен присутствовать. Приходится идти. Я присутствую физически, но духовно как бы отключаюсь.

С подобными проблемами — что свою веру необходимо приспособлять к польским обычаям и даже к действующему в Польше рабочему календарю (установленному в соответствии с католическими праздниками) — сталкиваются и представители других конфессий. Как те, кого с большинством поляков объединяет в качестве символа крест, так и те, кто использует совершенно иную символику.

Пробелы в календаре

— У каждого есть право на свободу слова и вероисповедания, не так ли? — напоминает Аня Чишевская. Она полька. И при этом еврейка. У нее остались неприятные воспоминания об учебе в Варшавском университете, где она занималась проблемой возрождения общественно-культурных традиций. — Преподаватель не согласился отпустить меня с занятий в праздник Песах, установленный в память об исходе евреев из Египта. У нас это празднование приходится на католический Страстной четверг, все собираются за столом на торжественную трапезу, приготовление которой требует немало времени. Я пришла на занятия, раз мне не разрешили отсутствовать в этот день, но сознательно устроила из этого хэппенинг. Я села за первую парту, празднично одетая, с огромной золотой звездой Давида на груди.

В этот день она не произнесла ни слова, не принимая, таким образом, участия в занятиях.

— Подобные инциденты надолго оставляют в памяти неприятный осадок. Но ведь без них можно было бы обойтись, — говорит Аня.

У протестантов особенно большими праздниками считаются Страстной четверг и Страстная пятница.

— Эти дни должны быть выходными, — объясняет Мартин Мацкевич. — Можно договориться с предпринимателем, но потом зачастую эти дни приходится отрабатывать.

Адвентистам, например, каждая суббота нужна как выходной день — это самый важный день почитания Бога (субботний отдых — это и шаббат в еврейских семьях).

— Не в каждой фирме руководство понимает, что у людей могут быть сложности, — говорит Анджей Шитув. Поэтому, чтобы не иметь проблем из-за того, что он принадлежит к адвентистам Седьмого дня, Анджей сам себе стал начальником. Он занимается строительным бизнесом, но крупных заказов не берет — хотя там и можно было бы заработать большие деньги, но он от этого отказывается, ибо тогда человек был бы вынужден пренебречь своей верой и работать в тот день, в который работать не положено.

Таких дней у представителей различных конфессий довольно много, их нелегко учесть, ибо они не обозначены в издаваемых календарях. Возьмем хотя бы сентябрь. 9 сентября начался Новый год у евреев (в течение двух дней они праздновали Рош Ха-Шана и радовались, что счастливо дожили до 5771 года), 18 сентября будет Йом-Кипур, Судный день. Для мусульман Новый год (1431-й хиджры) наступит 7 декабря. Но и сентябрь для них месяц очень праздничный — закончился Рамадан, так что с 10 сентября можно радостно начинать праздновать в течение трех дней Рамадан-Байрам. В середине ноября будет День Арафа, и сразу после него Курбан-Байрам, самый важный праздник, который длится четыре дня в память о жертве Авраама.

— Меньшинствам необходимо иметь внутреннее смирение, — объясняет православный священник Мариуш Сынак. Прежде чем он стал дьяконом, а затем был возведен в священнический сан и стал принадлежать к православному меньшинству, он успел поработать стоматологом и более 20 лет принадлежал к римско-католическому большинству. Он был крещен и воспитывался в том же духе, что и почти 90% поляков. Он успел испытать на своем опыте, как легко праздновать тогда, когда празднует вся страна. Теперь же он видит, насколько сложнее это делать в другие сроки. — Так уж устроено в жизни, что меньшинству приходится труднее, — говорит он спокойно (в православной Церкви не может быть спешки, суматохи, там предпочитают неспешное погружение в самую глубь славянства, вот и в характере священника Сынака нет никакой нервозности). Церковь восточного обряда, живущая по юлианскому календарю, отмечает праздники на 13 дней позже, чем западная Церковь. Например, празднование Рождества Христова начинается после полуночи с 6 на 7 января. Впрочем, святки продолжаются не два дня, а 11 — в это время навещают соседей, знакомых, родственников.

По разным оценкам, православных в Польше насчитывается от 550 до 700 тыс. человек. Эта конфессия по численности верующих занимает второе место после римско-католической. Несмотря на это, на протяжении вот уже многих лет не удается решить проблему: что надо сделать, чтобы верующие этой конфессии в период своих праздников имели хотя бы один выходной день. Даже там, где православных особенно много — в Белостоке, Хайнувке, Бельске-Подляском, Наревке, Семятычах, — учащиеся не могут рассчитывать на привилегии, которыми пользуются их ровесники, верующие римско-католической Церкви. Если же им и предоставляются выходные дни на их праздники, то они должны позже эти дни отработать. Только на таких условиях в минувшее православное Рождество на Подлясье учащиеся получили по одному или два дня выходных в 49 школах. В министерстве просвещения готовится проект, в соответствии с которым учащиеся смогут отмечать свои праздники, не беспокоясь о том, что им надо будет позднее отработать пропущенные уроки. Такие изменения, впрочем, уже не раз были обещаны. Последний раз такие обещания прозвучали два года тому назад.

Волна выносит наверх лидеров

В буддизме нет праздников, для которых требуются выходные дни, поэтому буддисту Мартину Баранскому, который работает в фирме, обслуживающей сферу телекоммуникации, не надо просить предпринимателя о предоставлении ему отпуска. Женатый на буддистке, бездетный, он отказался от католичества в возрасте 22 лет. С тех пор он не придает значения обрядам. Процедура принятия Прибежища, то есть ритуал вступления в школу буддизма, весьма скромен. Как и буддийское благословение молодых пар на супружеский союз.

— То, в чем нельзя отказать многим из Церквей, прежде всего католической, так это великолепие внутреннего убранства, — говорит Мацкевич. Община баптистов, к которой он принадлежит, арендует зал у автошколы, так что там нет такой красоты, как в костеле. — Но нам важно не то, чтобы место было красивым, — поясняет он, — важно, чтобы существовала сама община.

Таких общин — менее и более крупных — в Польше уже более 350. По последним данным ГСУ, в Польше действует 172 национальных и этнических объединения, у нас насчитывается 179 церквей и конфессиональных союзов. Ежегодно возникают примерно два новых религиозных движения. Они имеют свои общины, молитвенные дома, иногда даже гербы — и в них отнюдь не всегда присутствует крест.

Как для каждого католика в Польше самое святое место — это Ясная гора в Ченстохове, так для православных святая гора — это Грабарка близ Семятычей. У польских мусульман тоже есть чтимые места — это Бохоники и

Крушиняны (там сохранились две последние на польских землях старинные мечети и кладбища-мизары).

Впрочем, когда в марте текущего года ЦИОМ просил поляков назвать важные для них места, те, которые представляют для них особую гордость и которые хотелось бы показывать, например, гостям из-за границы, то на первом месте оказалась вовсе не Ченстохова. Выяснилось, что на первом месте стоит Краков. За ним идет столица. А что же потом? А потом Мазуры, горы.

— Польша вовсе не должна ассоциироваться исключительно с Ченстоховой и крестом, — говорит Аня Чишевская. Она работает в департаменте образования еврейской общины и в Фонде еврейского агентства «Сохнут». Ее семья может служить доказательством того, что если есть желание, то и примирение возможно: мама Ани — еврейка, а отец — католик. — Объединять культуры, католические символы и праздники с еврейскими — дело довольно нелегкое, — признается она. — Но если не отдавать предпочтения какому-то одному вероисповеданию, то их можно примирить.

Кшиштоф Чижевский, создавший в Сейнах центр «Пограничье — Искусств, Культур, Народов», ни о чем другом так не заботится, как о примирении. Сейны — это шеститысячный город, расположенный близ границы с Литвой, Белоруссией и Россией. В городе есть и доминиканская базилика, и синагога, и евангелическая кирха. В этом городе живут поляки, литовцы, русские старообрядцы. А прежде здесь жили и белорусы, евреи, немцы, татары, цыгане. К сожалению, как отмечает Чижевский, в сегодняшней Польше происходят попытки возродить эндецкую, националистическую матрицу.

— Опять делаются попытки всё свести к «своим», к «истинным» полякам, к кресту и национально-католическому вероисповеданию. Однако следует помнить, что всякое действие вызывает противодействие, а значит, — что также отмечает Чижевский, — среди самих меньшинств тоже существуют подобные матрицы.

Существуют круги, которые только и ждут пробуждения, ждут той волны, которая вынесет наверх радикальных лидеров, которые подпитываются конфронтацией и которые будут представлять собой зеркальное отражение тех, кто находится по другую сторону.

Шиитка тоскует по Польше

— Бесплезное дело искать один общий символ для всех поляков, — говорит профессор Миколейко. И трудно постоянно жить мифом о том, что поляк — это католик.

Однако пока этот миф никто не трогает. Вообще-то на самом деле можно никакой связи не ощущать с католичеством и крестом, но при этом чувствовать свою глубокую связь с Польшей.

— Уехать отсюда? Никогда в жизни, — качает головой Эва Сахар Хасан. Семь лет она не была в Польше. Достаточно. Родилась Эва здесь, но умереть ей надлежало в Ираке. Отец не позволил ей даже дожидаться аттестата зрелости. Когда ей было 17 лет, он обманным путем увез ее к родственникам в Карбали. Временный иракский паспорт закончился через два месяца. Других документов у нее не было, так как отец и не думал хлопотать о польском гражданстве для своей дочери. Она оказалась лицом без гражданства. Никем. Именно там она ощущала себя не на своем месте. Выходить из дома можно было только в сопровождении мужчины, не забывая, разумеется, о платке и абай, длинном черном платье-хитоне. Он был чудовищно тяжелым. Эва, невысокая, худенькая, часто наступала на полы этой одежды, падала. — Как я хотела вернуться в Польшу, — вспоминает она теперь. Больше всего такое настроение посещало ее в праздники. В Польше она узнала, что такое Рождество, бывала в Сочельник у знакомых. Свой первый иракский Сочельник она провела в одиночестве, на чердаке. Ходила по кругу и пела. — Напевала отрывки из колядок, которые помнила по услышанному в польской школе, колыбельные, которые слышала в детстве, польский гимн, — рассказывает Эва. Иракские кузены были уверены, что она помешалась. Эва разговаривала сама с собой на непонятном для них языке. Если бы в Ираке не началась война и если бы Польша не отправила в Карбали своих солдат, Эва застряла бы в этом чужом для нее мире навсегда. Однако она попала в качестве переводчика на польскую базу, там ей оформили документы. Теперь у нее польское гражданство. Зато нет семьи. Отец порвал с ней всякую связь. Мать тоже не отзывается. — Трудно, — говорит Эва. Но она справляется — работает и учится. После возвращения ей пришлось заново начинать учебу в лицее, в этом году она сдает экзамены на аттестат зрелости и заканчивает лицей. Для экзамена по польскому языку она выбрала характеристику Кмитица из «Потопа», сдала на сто процентов. Будет изучать международные отношения в Познанском университете.

Когда она думает: «Польша», — тут же просится на язык продолжение: «отечество мое». Польша для нее — это отвага Кмитица. А еще зелень, которой ей не хватало в Ираке.

— Мое место здесь, — говорит она. — А с тем другим меня ничто не связывает. Кроме семьи.

Символы ухудшают настроение

Помогает ли полякам присутствие креста везде и всюду? А может быть, вредит? Нам не удалось найти проводимых в Польше опросов, которые давали бы ответы на эти вопросы. Но любопытные исследования провела в Канаде группа Майкла Шмитта и Стивена Райта из университета Симона Фрезера. Их интересовало, какое влияние оказывают религиозные символы на людей, которые никак не связаны с данной религией (результаты исследования опубликованы в авторитетном «Journal of Experimental Social Psychology»). Итак, зимой, когда приближалось Рождество и во многих местах появлялись соответствующие украшения, ученые обследовали настроения канадских христиан, атеистов и приверженцев иных религий. Часть опрошенных заполняла анкеты в помещении, где находились христианские символы, а часть — там, где никаких символов не было. Хотя все согласно заявляли, что символы им не мешают, однако там, где они были, оказалось, что они вредят. И происходит это в подсознании. У неверующих или принадлежащих к иной религии настроение ухудшилось, понизилась самооценка, появилось ощущение своей непричастности. Любопытно, что такое же ощущение было у тех, кто декларировал, что они христиане, но не практикующие.

Когда в марте ЦИОМ исследовал, чем гордятся поляки, оказалось, что принадлежность к католической Церкви наполняет гордостью не большинство поляков, а всего лишь каждого четвертого. Гораздо больше мы гордимся своим гостеприимством, польской кухней, своим патриотизмом. А от чего нам становится стыдно, когда мы думаем: «Польша»? Нам стыдно из-за споров. Даже больше, чем из-за хулиганства или пьянства. Мучают также ксенофобия, расизм, антисемитизм, неприязнь к меньшинствам.

Мы отдаем себе отчет в том, что заявлять в адрес меньшинств: «Вы здесь не у себя дома», — непорядочно. Однако такие сигналы раздаются. Директор центра «Пограничье» в Сейнах, который хорошо знает среду меньшинств, утверждает, что не только меньшинства, но и все мы должны опасаться вируса нетерпимости.

— Я не хочу стать победителем с чьей бы то ни было стороны в польско-польской войне или же в войне «наших» с «чужими», — заявляет Кшиштоф Чижевский. — Я хочу сближения, хочу иметь друзей и на том и на этом берегу.

Что могло бы успешно объединить эти берега? Какой образ возникает в сознании, если перестать постоянно держать в голове слова «крест», «война»?

— Язык, — уверяет Аня Чишевская. — Он же общий. Для меня это первый из языков, на нем я легко выражаю эмоции.

— Варшава, — подчеркивает Мариуш Гавлик, — ведь это не только столица, здесь масса чего происходит. То, что здесь случится, распространяется дальше по стране.

— Конституция, — подсказывает Мартин Баранский, — ведь у нас хорошая конституция, с давней традицией, которая гарантирует свободу совести и вероисповедания.

Простите, а есть ли тут Бог?

В Польше становится всё больше и больше крестов, но, как показывают опросы, всё меньше становится веры. Еще в мае прошлого года 53% поляков заявляли: «Я — верующий и руководствуюсь учением Церкви». В текущем году так заявили уже лишь 45 из ста опрошенных. Хотя подавляющее большинство из нас по-прежнему считает себя католиками, только 13% определяют свою веру как очень глубокую. Даже праздникам мы уже не придаем такого значения, как прежде. Пасха стала больше семейным торжеством, чем религиозным. Почти половина опрошенных признала, что отмечает праздники, ибо такова традиция. У 13% поляков это всего лишь приятное время, свободное от работы. У 5% это даже выливается в проблему. Всё меньше людей в нашей стране регулярно молится (даже безработные не находят для этого времени). Реже мы ходим в костел. А те, кто регулярно ходит в храм, не уверены, что найдут там Бога (25% в этом сомневаются!). Только каждая третья полька с полной уверенностью может сказать, что вера придает смысл ее жизни. А у поляков со смыслом дело обстоит еще хуже — находит его каждый четвертый.

Когда спрашивают об авторитетах, об именах, имеющих важное значение в Польше, то на первом месте по-прежнему Иоанн Павел II, но потом долго-долго нет никого, кто ассоциировался бы с Церковью. На духовных лиц (из ныне живущих) указывают реже, чем на политиков периода ПНР.

2: ТРАВЛЕННЫЙ ВОЛК

Главный редактор «Газеты выборчей» об идейной исчерпанности, о том, что не верит в шансы модернистов из «Права и справедливости» и что Антоний Мацеревич достоин ордена Белого Орла

— Когда вы получили «Белого Орла», из капитула ордена вышли Анджей Гвязда, Богуслав Низенский и Ян Ольшевский. Это какой-то знак?

— Когда ранее этот орден получил Анджей Гвязда, я выразил радость на страницах «Газеты». Потому что считаю, что он заслужил «Белого Орла» тем, что сделал во время забастовки в 1980 году. Понимаю, что я, по его мнению, не заслужил. Это меня особо не удивляет. Я знаю, что ко мне относятся по-разному.

— А других вы понимаете?

— Стараюсь. Я читаю то, что пишут люди из этой среды.

— И удалось ли вычитать ответ на вопрос, почему они считают, что даже в символической сфере мы уже не можем находиться рядом?

— Всё довольно прозрачно. Один автор писал, например, недавно, что в ПНР была широкая оппозиция и это позволило госбезопасности в нее внедриться. Внедренные создали «конструктивную оппозицию».

— Это вы?

— В том числе. Они считают, что мы отстраняли деятелей с установкой на независимость, настроенных антикоммунистически, а затем мы были кооптированы во власть, чтобы создать ПНР 2.

— То есть «круглый стол».

— Совершенно верно. Но это имеет дальнейшие следствия, поскольку в рамках такого видения и через 20 лет всё остается по-прежнему. Несмотря на правление Ольшевского и Качинского. А «президент независимой Речи Посполитой своим стратегическим советником приглашает последнего премьер-министра ПНР».

— Это Тадеуш Мазовецкий, советник Коморовского.

— А вдобавок «премьером становится делегата из второго эшелона, который к польскости имеет лишь то отношение, что она ему мешает».

— Туск?

— А кто же? И еще: «Польшей по-прежнему руководит коалиция посткоммунистов и конструктивной оппозиции от Ярузельского». Почему? Потому что «конструктивные» поняли «невозможность взобраться на вершины ПНР 2 без того, чтобы продать душу дьяволу ВСИ».